

ИРА
ОРЛОВА

ЛЮБИМАЯ
ЖЕНЩИНА
ОФИЦЕРА

Ира Орлова

Любимая женщина офицера

«Литнет»

2026

Орлова И.

Любимая женщина офицера / И. Орлова — «Литнет», 2026

– Ты же понимаешь... – девица кривит губы, окидывая меня оценивающим взглядом с ног до головы. – Пока мужики на передовой, дома их жёны ждут. А такие как ты... просто снимают напряжение. Ты удовлетворяла моего мужчину. Спасибо. Она кивает в сторону двери, и добавляет с широкой улыбкой:– Теперь свободна. Жена приехала._____ Это не может быть правдой! Я выхаживала его, когда врачи говорили, что он может не дожить до утра. Мы венчались... И он клялся, что у него ни жен, ни детей нет! А теперь на моем пороге стоит его жена и дочь... Если он солгал мне... солгал перед Богом... то я просто так это не оставлю. ИСТОРИЯ ЕГОРА ГОРИНА Книга участвует в литмобе «Единственная для офицера»

© Орлова И., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
***	7
Глава 3	8
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1

– Сюр... приз!..

Хлопушка выстреливает прямо мне в лицо с таким оглушительным, дурачки-весёлым хлопком, что я вздрагиваю всем телом.

Золотые и розовые конфетти выстреливают фонтаном и рассыпаются по моей прихожей.

Один блестящий кружок прилипает к щеке. И я машинально смахиваю его пальцами, а после несколько секунд просто стою, не понимая, что вообще происходит.

Егор всё утро загадочно улыбался и обещал мне какой-то особенный сюрприз к вечеру, но вид незнакомой девицы, застывшей на моем пороге с маленьким ребенком за руку, никак не укладывался в картину семейного праздника.

– Сюрприз... – повторяет дамочка уже кисло.

Улыбка ее начинает медленно таять. А ярко-алые губы кривятся в недоумении. Очевидно, за дверью она ожидала увидеть совершенно другого человека.

Теперь же, не скрывая брезгливого любопытства, она сканирует меня взглядом, будто оценивает сорт залежалого товара.

Я тоже не свожу с неё глаз, пытаюсь понять, что за фрукт передо мной.

На вид ей едва перевалило за двадцать: молодая, броская, хищная, но какая-то... излишне вульгарная что ли.

Густые темные волосы рассыпаны по плечам, жирно покрашенные ресницы подчеркивают вызывающий макияж.

Она замерла в проеме двери в картинной позе, выпрямив спину и высоко задрав подбородок, словно позировала перед невидимым фотографом.

Из-под распахнутого бежевого пальто, выглядевшего недешево, вызывающе проглядывало черное кружевное белье, которое она даже не думала прикрывать.

Золото на запястье, россыпь колец и длинные красные ногти довершали образ женщины, привыкшей вгрызаться жизни в глотку и выдирать оттуда своё.

Девица смотрит на меня как на досадную помеху, случайное недоразумение, которое по ошибке заняло её законное место.

Чуть позади, почти прижавшись к её ноге, стоит маленькая девочка лет трех.

На ней аккуратная розовая курточка и забавная шапка с помпоном. Лицо у нее круглое, по-детски доверчивое.

Малышка прижимает к себе плюшевого зайца и растерянно переводит взгляд с меня на свою спутницу, явно не понимая, почему взрослые так долго и странно молчат.

Но дамочка на ребенка не обращает никакого внимания. У нее дела поинтереснее.

– Вам кого? – устав от игры в гляделки, прямо спрашиваю ее.

Улыбка возвращается на её лицо, но теперь она кривоватая и дерзкая. Она делает полшага вперед, обдавая меня ароматом тяжелых сладких духов.

– Нам бы папочку нашего повидать, – чеканит она с недобрый огоньком в глазах. – Да, доченька? – бросает ребенку, даже не глянув на нее. – Ну так что, Егор дома?

Глава 2

– А ты... – она слегка склоняет голову набок, прищуриваясь и сканируя мой домашний облик. – Сиделка?

Спрашивает дамочка обыденно, почти вежливо, и я даже не сразу осознаю, что этот абсурдный вопрос адресован именно мне.

В ушах начинает нарастать странный гул, сквозь который я едва слышу собственное рас-
терянное:

– Простите? Что вы сказали?

– Ну... – она безразлично пожимает плечами. – Или прислуга какая. Я же не знаю, кто у него тут на хозяйстве. Выглядишь ты... соответствующе.

Сердце совершает болезненный кувырок и застревает где-то в горле, мешая дышать.

Я пытаюсь выдавить из себя хоть какое-то возражение, обозначить свой статус в этом доме, который ещё пять минут назад считала своим. Но всё тщетно.

Вместо того, чтобы захлопнуть перед ее носом дверь или осадить эту хамку, я жалко выдавливаю из себя:

– Я...

Боже, соберись!

– Потому что я, вообще-то, жена Егора, – перебивает она меня, произнося это веско. – А это, знакомьтесь, его дочь.

В груди всё резко немеет, и я чувствую, как по позвоночнику разливается арктический холод, от которого сводит челюсть.

Какого черта здесь происходит? Это какая-то дурная шутка, розыгрыш?

– О, судя по твоему лицу, ты была совершенно не в курсе, да? – с фальшивым сочувствием добавляет она.

Я стою неподвижно, не в силах даже моргнуть.

Мозг, защищаясь от шока, категорически отказывается принимать этот сюрреалистич-
ный бред за реальность.

Мы ведь прошли через столько испытаний, я верила каждому его слову, столько сделала ради него...

Как Егор мог так виртуозно, так хладнокровно обманывать меня всё это время?

Перед иконами. Перед Богом!

Как мог с таким честным лицом клясться, что в его жизни нет никого, кроме меня, если где-то существовала эта параллельная вселенная?

С женой и ребёнком.

Как он мог... продолжать клясться мне в верности, зная, что вся наша общая жизнь построена на фундаменте из чудовищной, многослойной лжи?

Дорогие читатели, здравствуйте! ♥#

Очень рада видеть вас на страницах этой истории. Спасибо, что открыли мою книгу и решили познакомиться с Надей, Егором и той непростой правдой, которая ворвётся в их жизнь.

Если история вас зацепила, пожалуйста, **поддержите её лайком и добавьте книгу в библиотеку**. Это очень помогает книге подниматься в рейтинге и находить новых читателей. Для автора это огромная поддержка и мотивация писать дальше быстрее.

Я читаю ваши комментарии и всегда рада вашим эмоциям, теориям и впечатлениям — они делают историю живой.

Эта книга входит в **цикл СЛОЖНЫЙ ВЫБОР (ВСЕ КНИГИ ЧИТАЮТСЯ САМОСТОЯТЕЛЬНО)** [https://litnet.com/shrt/J2J_\(%D0%92%D0%A1%D0%95%20%D0%9A%D0%9D%D0%98%D0%93%D0%98%20%D0%A1%D0%90%D0%9C%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%AF%D0%A2%D0%95%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%AB%D0%95\)](https://litnet.com/shrt/J2J_(%D0%92%D0%A1%D0%95%20%D0%9A%D0%9D%D0%98%D0%93%D0%98%20%D0%A1%D0%90%D0%9C%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%AF%D0%A2%D0%95%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%AB%D0%95)), и если вам нравится такой драматичный, эмоциональный формат, обязательно загляните и в **первые книги серии**. Там вы познакомитесь с героями и событиями, которые так или иначе связаны с этой историей.

Первая книга цикла:
 Вернуть жену. Без права на прощение? (История Алисы и Тимура) — <https://litnet.com/shrt/87NN>

Вторая книга цикла:
 Жена офицера. Я тебя верну (Варвара и Гордей) — <https://litnet.com/shrt/D-tu>

Третья книга цикла:
 Бывшая офицера Кравцова — <https://litnet.com/shrt/WU-M>

(ссылки кликабельны)

Спасибо, что вы со мной и с моими героями.
 Обнимаю каждого читателя ♥#

Немного визуального ряда

Глава 3

В памяти, словно кадры старой кинохроники, один за другим начинают всплывать те дни, которые я считала самыми важными и чистыми в своей жизни...

Егор лежал на больничной койке почти неподвижно, его мощное тело казалось неестественно хрупким под тонкой белой простыней, натянутой до самой груди.

Бесконечные бинты тугими витками уходили через плечо, трубка капельницы монотонно отсчитывала капли лекарства.

Он тогда только начал приходить в себя после бесконечно долгой комы, вызванной тяжелейшим ранением, которое врачи называли «несовместимым с жизнью».

Я была всё время рядом. Простая медсестра, та самая женщина, которая буквально вытаскивала его с того света, сутками не отходя от его палаты и вслушиваясь в каждый вдох.

– Надя... – едва слышно выдохнул он.

Егор говорил так, словно каждое слово давалось ему с колоссальным физическим усилием.

– Я здесь, я рядом, – отозвалась я шепотом, инстинктивно наклоняясь ближе, чтобы проверить настройки капельницы и показатели датчиков на мониторе.

Но он вдруг перехватил мою руку, слабо, но настойчиво сжав мои пальцы. Я до сих пор помню это ощущение до мельчайших подробностей. Ладонь у него была пугающе горячей, сухой и лишенной прежней силы.

– Позови... батюшку, – попросил он, глядя мне прямо в глаза.

Я не сразу осознала смысл сказанного.

– Что? Егор, тебе нужно отдыхать, не трать силы на разговоры...

Он не стал повторять, просто продолжал смотреть на меня с такой невыносимой серьезностью, что до меня, наконец, дошел истинный смысл его просьбы. Горячие слезы мгновенно хлынули из глаз, застилая обзор.

– Нет уж, даже не думай, – затрясла я головой, пытаюсь отогнать страшные мысли. – Рано тебе еще о таком просить, ты слышишь? Ты выкарабкаешься, мы тебя на ноги поставим!

Егор едва заметно покачал головой.

– Надя, послушай... Я не знаю, сколько у меня осталось времени, – произнес он удивительно спокойно.

– Не смей так говорить, – взмолилась я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

– Послушай меня внимательно, – его пальцы чуть сильнее сжали мою ладонь, удерживая мое внимание. – Если я умру, то хочу уйти, зная, что ты стала моей женой перед Богом. А если выживу... – он сделал короткую паузу, тяжело переводя дыхание, – то всё равно на тебе женюсь, только уже официально, со всеми документами и кольцами, как положено. Потому что больше никто мне не нужен, слышишь? Ты же ангел хранитель мой.

Я тогда даже рассмеялась — это был странный, нервный смех человека, находящегося на грани срыва.

– Егор, ну какой батюшка, какая свадьба в реанимации?

– Я серьезно, Надя. Позови его.

Он смотрел на меня так, будто это решение было принято им давным-давно, а всё происходящее вокруг, лишь досадные формальности, которые не могут изменить главного.

Я не сомневалась ни секунды.

Наверное из-за того, что во мне отчаянно кричала вера в то, что на самом краю, когда за спиной уже чувствуется ледяное дыхание смерти, человек просто не способен на ложь.

Я смотрела на его бледное лицо и понимала, что моё будущее — это не время и не место, это он сам.

И если его не станет, мир для меня просто схлопнется в точку. Тогда какая разница, где и как клясться?

Мне хотелось прорасти в него, связать наши души таким тугим узлом, чтобы даже там, за гранью, по которой он тогда балансировал, нам не пришлось искать друг друга впотьмах.

Я верила, что совершаю таинство, которое выше земных законов...

Батюшка пришел через полчаса. Он долго и тихо беседовал с Егором, а потом повернулся ко мне и спросил, осознаю ли я всю серьезность и ответственность того, что сейчас произойдет.

Я кивнула, хотя, если честно, в голове был полный сумбур.

Батюшка достал небольшую икону, зажег свечу, и воздух наполнился едва уловимым ароматом ладана. Он начал обряд и всё это время Егор не выпускал мою руку ни на секунду.

— Перед лицом Бога... — негромко произносил слова молитвы священник.

Я почти не воспринимала церковный текст, я слышала только голос Егора, когда он повторял слова клятвы. Хриплый, порой срывающийся на шепот, но при этом поразительно твердый и уверенный.

У меня ведь даже мысли тогда не возникло, что он может лукавить...

Господи, я ведь искренне поверила ему...

Поверила каждому его слову. В тот момент это казалось чем-то запредельно чистым, почти святым. Высшим проявлением любви и честности.

А сейчас эта вульгарная девица, стоящая в моей прихожей, одним своим присутствием и парой хлестких фраз превратила то священное таинство в фарс, осквернив и опошлив всё, чем я жила последнее время.

И вдруг в моём оцепенении сверкает мысль. Она врывается в сознание, заставляет меня внутренне вздрогнуть и буквально задохнуться от внезапного прилива гнева на саму себя.

С чего я вообще взяла, что каждое слово этой незнакомки — истина в последней инстанции?

Почему я, прожившая с этим человеком бок о бок, выходившая его, знающая каждый шрам на его теле и каждую интонацию его голоса, вот так легко, с первого же выстрела хлопнула, позволила этой девице разрушить мой мир?

Я почувствовала, как к горлу подкатывает злость. Я стояла и послушно впитывала её яд, как губка, позволяя какой-то случайной гостье с ярко-красными ногтями перечеркнуть нашу любовь. В предатели Егора я записала мгновенно, не дав ему ни единого шанса, не дождавшись ни слова объяснения.

«Жена? Дочь?» — эти слова всё ещё звенят в ушах, но теперь они кажутся мне не разговором, а грязным вызовом.

Да мало ли кто может стоять на пороге с чужим ребенком и требовать «папочку»!

В нашем безумном мире, где зависть и подлость порой не имеют границ, верить первому встречному — это значит предать свою вторую половину.

Гнев окончательно вытесняет страх. Я расправляю плечи, готовясь защитить своё. Если она пришла разрушить — я не позволю. Если она пришла лгать — я поставлю ее на место.

Приглашаю вас в новинку нашего моба Единственная для офицера!

Бракованная для офицера

Виктория Золотова

<https://litnet.com/shrt/B67x>

— Так вот на кого ты меня променял? — выдыхаю в шоке. — На дрянь, которая портила мне жизнь все школьные годы?

 — Она, может, и дрянь, зато не бракованная, в отличие от некоторых, — бывший муж окидывает меня презрительным взглядом. — Ты ведь не женщина по сути, даже свой природный долг исполнить не можешь. Ребенка родить. Сама подумай, кому ты такая сдалась?

 Ядовитая обида выжигает нутро. Я выпаливаю, не успев подумать:

 — Нужна! Еще как нужна. Вот увидишь.

 — Можешь и дальше утешать себя. Тебе теперь только это и остается, — он отмахивается от меня, как от назойливой мухи, растоптав мою гордость еще сильнее после и без того болезненного развода.

 Мне столько еще есть что ему сказать, но слова застревают в горле вместе со слезами. А если я расцарапаю его наглуую морду прямо на встрече выпускников, то это будет еще куда более унижительно для меня. Поэтому я в бессильной ярости сжимаю кулаки и мечтаю просто сбежать отсюда поскорее. Так и знала, что не надо было приходить!

 Но успеваю только отшатнуться, как на мою поясницу ложится горячая ладонь. И я слышу низкий голос у своего уха:

 — Вот ты где, Малинка. А я тебя везде ищу.

 Поднимаю голову и сквозь слезы смотрю на своего бывшего одноклассника, а ныне бравого офицера, и план возникает сам собой.

 Поворачиваюсь к нему, приподнимаясь на цыпочках, и касаюсь его жестких губ своими.

 Лишь бы не оттолкнул. Соколов всегда меня спасал. Хоть бы и сейчас не подвел...

<https://litnet.com/shrt/eZOy>

Глава 4

– Значит, жена, – произношу с достоинством, глядя ей прямо в глаза. – Интересно. А документы покажешь? Паспорт, свидетельство о браке? Или у вас всё... на словах, по старой памяти?

Девушка с вызовом усмехается, уловив, что перед ней не безвольная овечка, а кто-то, кто способен дать отпор.

– А тебе-то они зачем? – лениво, почти нараспев протягивает она, картинно облакачиваясь о дверной косяк. – Ты ж тут... временный персонал. Исполняющая обязанности, так сказать. На период форс-мажора.

Она снова наклоняет голову, с нескрываемым презрением сверля меня взглядом.

– Ты же понимаешь... – её губы кривятся в ядовитой усмешке. – Пока мужики там, на передовой, дома их настоящие жёны ждут. А такие, как ты... – выплёвывает она с отвращением. – Вы просто побочный эффект. «Фронтовые подруги», как говорили в старину. Те, кто подносит утку, вовремя меняет бинты и... ну, снимает излишнее напряжение, когда им слишком страшно или невыносимо одиноко. Ты просто удовлетворяла потребности моего мужчины, пока меня не было рядом. Была для него чем-то вроде бесплатной терапии, реабилитационным курсом. За это тебе, конечно, отдельное женское спасибо.

Театрально манерно кивает она.

– Теперь ты свободна, – добавляет, небрежно махнув рукой в сторону лифта. – Смена закончена. Жена приехала. Егор теперь в надежных руках.

– «Жена»? – я приподнимаю иронично бровь. – Послушай меня, «тыл» с накладными ресницами. Ты вваливаешься в мой дом, хлопаешь своими хлопушками и думаешь, что я тут же упаду в обморок от твоего напора?

Дамочка осекается, торжествующая улыбка сползает с её лица.

– Ты можешь называть себя хоть королевой Марго, хоть законной супругой императора, – продолжаю, сокращая дистанцию и глядя на неё с превосходством. – Но пока я не увижу документов, для меня ты просто случайная девушка, которая решила устроить дешёвый перформанс. Мало ли у Егора было... «розовых перепихонов» в прошлом? Таких, как ты, ярких, доступных и одноразовых, на каждом полустанке по пучку.

– Ты чё овца охренела?! – взорвалась она моментально от возмущения, если бы не ребенок, думаю мы бы уже вцепились друг другу в волосы.

– Еще пока нет. Ты вообще на что рассчитывала? На теплый прием? Ребенка еще притащила сюда, прикрываясь им как живым щитом. Думаешь, сказала это его дочь и всё, генетическая экспертиза пройдена? Малышка симпатичная, но утверждать, что это дочь Егора только потому, что у неё есть глаза и уши — это примитивно. В мире миллионы детей, и далеко не каждый из них наследник моего мужчины.

Я специально говорю последние слова, четко давая ей понять, что я никакая не сиделка и не присуга.

– Знать тебя не знаю и никогда о тебе не слышала, – чеканю сухо. – Ни в его рассказах, ни в его документах, ни в его сердце тебя нет. Есть только я. А ты сейчас выглядишь как отчаявшаяся авантюристка, которая пытается пристроить своего ребёнка к мужчине, который выжил чудом. Пришла на всё готовенькое? Узнала, что он на ногах и решила вспомнить былое?

Бросаю, презрительный взгляд на её бежевое пальто и кружево.

– Твоё «спасибо» за мой уход я не принимаю. Я спасала своего мужчину. Так что приberi свои побрякушки, возьми девочку за руку и исчезни так же эффектно, как появилась. Пока я не вызвала полицию и не накатала заявление за попытку мошенничества.

Лицо мадам пошло некрасивыми красными пятнами. Она явно не ожидала, что на ее красивый монолог найдут, что ответить.

Девочка тянет её за рукав.

– Мам...

– Подожди, – резко бросает она, даже не глядя на нее.

Ребёнок, напуганная резким тоном матери и тяжелым молчанием взрослых, вдруг тихо и жалобно всхлипывает.

В этот момент тишину подъезда разрывает мелодичный звук открывающихся дверей лифта. Из кабины выходит Егор.

В руках он сжимает огромный, вызывающе роскошный букет белых лилий. Весь его вид излучает торжество и предвкушение.

– Надюш, я чуть задержался, но... – замолкает он на полуслове.

Обескураженно рассматривает фонтан конфетти на полу, меня, стоящую как натянутая струна, и «гостей» на пороге.

Букет в его руках медленно опускается, тяжелые бутоны лилий касаются пола. Лицо моего мужчины, еще секунду назад светившееся нежностью, вдруг осунулось и приобрело сероватый оттенок, какой бывает у людей в состоянии шока.

Взгляд Егора перемещается с меня на девицу, а потом падает вниз на маленькую девочку в розовой куртке.

– Ника?... – выдыхает он пораженно.

И в этом единственном имени столько боли, узнавания и какого-то обреченного ужаса, что у меня перед глазами всё плывет.

Он не спрашивает: «Кто это?». Не говорит: «Что вы здесь делаете?».

Он называет её по имени...

Офицер по соседству

Зоя Астэр

<https://litnet.com/shrt/-r4X>

— Когда ты уже свалишь отсюда наконец? — ворчит сосед. — Совсем к загородной жизни не приспособлена. Надоело тебя спасать...

 Не надо меня спасать. Я сама со всем справлюсь. Обязательно. И с тремя детьми, которых на меня оставили подруги. И с хозяйством. И с двумя собаками.
 Им очень нужно было уехать туда, к ленточке, чтобы хоть ненадолго увидеть любимых. А мне уже четыре года как некого ждать и не к кому ехать.

 Сосед ещё ненормальный попался! Подруга заверяла, что в том доме никто не живёт. А там этот... огромный, бородатый, пугающий... Кажется, офицер после тяжёлого ранения.
 Мы, видите ли, слишком шумные и мешаем ему прозябать в депрессии.

 А у меня к нему тоже есть претензии! Не люблю военных. После того, как похоронила мужа, эта профессия — мой личный ред флаг.

<https://litnet.com/shrt/r7ty>

Глава 5

Мир вокруг схлопывается до размеров этой тесной прихожей, превращаясь в декорации к какому-то низкопробному, тошнотворному фарсу.

Время не просто замедляется, оно растягивает каждую секунду до состояния бесконечной пытки.

Я вижу, как эта девица, Ника, порывисто шагает к застывшему изваянием Егору. В следующее мгновение она буквально бросается ему на грудь с такой отрепетированной экспрессией, будто за кадром невидимый режиссер только что рявкнул в рупор: «Мотор! Больше драмы, детка!».

– Егорушка!.. – голосит она.

Голос её при этом предсказуемо срывается на фальшивый, надтреснутый полувсхлип.

Она врывается в него всем телом, обвивая его шею руками с таким фанатичным усердием, что кажется ещё немного, и она для верности закинет на него и ноги. Ну, чтобы точно не сбежал.

Я забываю, как дышать. Грудь сдавливает невидимый обруч обжигающей ревности. Смотрю, как её тяжелые темные волосы рассыпаются по его плечу. Вижу, как она прижимается щекой к его уху, прикрыв глаза в экстазе мнимого, показного счастья.

Мерзко. До физической тошноты мерзко видеть эту близость, которую она так старательно демонстрирует специально для меня.

И в этот момент эту отвратительную картину дополняет детский радостный крик:

– Папочка!

Маленькая девочка срывается с места. Её крошечные сапожки глухо и часто топают по полу, и она буквально налетает на Егора, обхватывая его ногу обеими ручонками.

Она прижимается к нему так, будто он единственный центр её маленькой вселенной, её самый близкий человек.

На лице Егора проступает такой первозданный, неприкрытый шок, который невозможно сыграть даже самому гениальному актеру.

Это не просто удивление — это паралич сознания.

Но он не обнимает эту Нику в ответ. Его руки висят вдоль тела, и для меня, во всей этой грязи, это единственно важная и утешающая деталь.

– Ты... – выдыхает он наконец, отстраняясь от Ники. Делает это мягко, но предельно настойчиво, буквально снимая её руки со своей шеи, как навязчивых насекомых. – Подожди.

Ника не сдаётся, она пытается снова прильнуть к нему, но он уже делает шаг назад, создавая дистанцию.

– Сейчас... – он проводит ладонью по лицу, будто смывает морок, пытаясь проснуться в нашей привычной реальности. – Сейчас, Надюш, я всё объясню. Если сам пойму, что тут вообще происходит...

Он переводит взгляд на меня. И в нем полная растерянность.

Но мне не жаль его. Во мне кипит ядовитый сарказм: «Ну давай, герой-любовник, подбирай слова. Можете еще пообжиматься, я подожду. Мне спешить некуда».

– Надя, я...

Стою, как вкопанная, глядя на него сквозь пелену ледяного презрения. Он запинается, не находя по всей видимости нужных слов, и снова поворачивается к Нике.

– Подожди, – бросает он ей сухо, без капли тепла. – Ника... Зачем ты приехала?

Она отшатывается, будто получила пощечину. Глаза мгновенно наполняются влагой. Ну надо же, какая актриса погорелого театра, как быстро у нас включаются слезные железы...

– В смысле зачем? – голос ее звенит от обиды. – Ты серьезно сейчас это спрашиваешь, Егор? Ты вообще офигел? Я тебя столько ждала! Я думала, ты уже того... – она всхлипывает, закрывая лицо ладонью, но тут же вскидывает голову, и в её взгляде вспыхивает бабская, стервозная претензия. – С тобой связи не было! Ни звонков, ни сообщений! Ты просто пропал!

– Я был в госпитале, – отрезает он хмуро.

– Да теперь-то я знаю! Но потом-то? Почему молчал? – она делает шаг к нему, переходя в атаку. – Это ладно, мне позвонили, сказали, что тебя нашли... А так бы и сидела в неведении? И главное, нормально ты тут устроился, Горин! Я приезжаю и что вижу? Оказывается, у тебя уже совсем другая жизнь. И новая... баба.

Последнее слово она выплевывает в мою сторону с пренебрежением

– Ты давай с выражениями полегче, – осекает он ее.

– Нет, это ты давай тормози и посмотри! – она резко, почти грубо разворачивает девочку к нему. – Посмотри на неё!

Малышка пугается резкого движения матери, её личико кривится, губа начинает подрагивать, но она поднимает на Егора глаза. И я вижу, как он смотрит на ребенка. В полном непонимании, будто видит её впервые в жизни.

– И?

– Чё и?! – злится она, а характер-то у нее явно склочный. – Ты сейчас издеваешься что ли?

– Нет. Я вопрос тебе задал, – холодно отвечает он.

– Дочь это твоя, Егорик. Твоя кровь.

Для большего убеждения или по велению сердца, но девочка в этот момент делает решающий шаг. Она подходит совсем близко, протягивает маленькую ручку и осторожно касается его колена.

– Мы тебя так ждали, папа... – шепчет она ласково.

И этого одного слова достаточно, чтобы мой мир окончательно рухнул. Я больше не чувствую ни ног, ни рук. Только гул в ушах и один-единственный вопрос, бьющийся в висках раненой птицей: «Кто же ты такой на самом деле, Егор? И кем в твоей жизни была я?»

Новая семья для офицера

Елизавета Найт

https://litnet.com/shrt/Kp_y

- Кого ты тут ищешь, Дюймовочка? — усмехается новый командир батальона.
Ему легко смеяться надо мной, он под два метра ростом и косая сажень в плечах. А я действительно, Дюймовочка, чуть выше полутора метров, ещё и в белом халатике.
Но это никак не отменяет его хамства.
- Принца, что ли? Так он на юге вроде живёт. Ты свою ласточку позови и лети за ним, Дюймовочка, нечего тебе в армии со взрослыми дядями делать.
Ух, как дала бы в лоб!
Это мне здесь делать нечего?!
Я, между прочим, медицинская сестра медицинского пункта полка! У меня срочники в лазарете по одной половине ходят, когда я дежурю.
А дома я мать-одиночка двух сорванцов.
Так что тут вы, товарищ подполковник, ошиблись!
Мне здесь самое место! Решили доказать мне обратное?
милости прошу!
Вот только как бы не оказалось, что это вам здесь не место!

<https://litnet.com/shrt/XRwg>

Глава 6

– Бред какой-то!... – выдыхает сокрушенно Егор.

Он смотрит на девочку ещё секунду, потом резко переводит взгляд на Нику. И лицо его постепенно меняется. Шок и растерянность отступают и теперь там появляется решимость и злость.

Егор выпрямляется, расправляя плечи. С него мгновенно слетает образ виноватого мужчины с нелепым венчиком осыпавшихся лилий в руках.

Перед нами снова военный, привыкший принимать решения в условиях полного хаоса и не прощать ударов в спину.

– Ты залете... – начинает он хрипло, но вовремя осекается, поймав испуганный взгляд ребенка. Он сжимает челюсти так, что желваки на лице вздуваются, и договаривает сквозь зубы: – Забеременеть, что ли, успела?

Это звучит грубо. Почти жестоко. Без капли той лирической нежности, которую так старательно выстраивала Ника своей картинной истерикой. Но в этом вопросе столько неприкрытого, яростного недоумения и такого тотального отсутствия «узнавания», что я невольно впи-
ваюсь в него взглядом.

Этот вопрос не входил в сценарий актрисы. Она-то ждала покаяния, слез и объятий «папочки», а получила сухой допрос. И эта его реакция внезапно дарит мне крошечную, сумасшедшую надежду.

Ника вспыхивает моментально. Кажется, еще секунда и из-под бежевого кашемира покажется чешуя.

– Вообще-то, – цедит она, притягивая к себе притихшую девочку с такой экспрессией, будто та единственное вещественное доказательство в суде, – это плод нашей любви, Горин. Живое воплощение всего, что между нами было.

Егор сверлит ее долгим, тяжёлым взглядом.

– «Нашей любви»? – переспрашивает он с таким уничтожающим скепсисом, что мне на долю секунды становится почти неловко. – Ника, ты сейчас это серьезно? Ты действительно решила разыграть эту карту здесь и сейчас?

Она дергает подбородком вверх, вскидывая голову с упрямством загнанного в угол, но всё еще огрызающегося зверька.

– А что тебя так удивляет? Или ты в своей новой «семейной идиллии» решил, что можно просто попользоваться женщиной, оставить её с проблемами и благополучно свалить в закат?

– Я не собирался пропадать, – отрезает он. – но и семью с тобой я тоже никогда не планировал.

Ника замирает на мгновение, её холёное лицо идет пятнами, а затем искажается в злой, ядовитой гримасе задетого самолюбия.

– Ах, вот как? – выплевывает она, и её «благородная скорбь» окончательно сменяется базарной агрессией. – Конечно. Очень удобно. Особенно теперь, когда под рукой нашлась новая грелка.

Егор будто только сейчас вспоминает, что я всё ещё здесь.

Он подходит ко мне. Останавливается совсем близко, но не касается. Инстинктивно чувствует, что я сейчас как оголённый провод под напряжением, и любое прикосновение заставит меня отшатнуться.

– Надюш, – зовет тихо. – Посмотри на меня.

Господи, как же я не хочу. Не хочу видеть эти знакомые черты, эти глаза. Теперь всё это кажется отравленным. Но я поднимаю взгляд. Просто потому, что иначе не могу.

– С Никой я встречался недолго, – произносит он, не отводя взгляда. – Это было давно. Ещё до тебя. Никакой семьи, никаких обещаний. Я понятия не имел ни о каком ребёнке, Надь.

Он делает короткую паузу, и в этой тишине я слышу, как бешено, на износ, колотится моё собственное сердце.

– Связь с ней я не поддерживал, – продолжает он, и в его голосе сквозит искренняя безразличность к ситуации.

– Зато в жёны она себя вписала на редкость бодро, – не выдерживаю я.

Ника за его спиной демонстративно фыркает, закатывая глаза к потолку.

– Ой, да угомонись ты, – бросает она мне с небрежной дерзостью. – Ну, приукрасила немного, подумаешь. Надо же было как-то донести до тебя, что я не случайная прохожая.

– Немного? – я медленно перевожу на неё взгляд. – Ты вломилась в чужую квартиру, осыпала меня конфетти и назвалась законной женой. В моем мире, дорогая, это называется не «немного приукрасила», а «клинический бред». Или тщательно спланированная акция.

– А что мне надо было сказать?! – вспыхивает она. – «Здравствуйте, я бывшая, с которой он пару месяцев покувыркался и исчез, а это, возможно, его ребёнок»? Так, что ли, я должна была представиться?

– «Возможно»? – Егор цепляется за это слово мгновенно, разворачиваясь к ней всем корпусом. – Так «возможно» или «точно», Ника? Давай определимся с показаниями.

– Ты на что сейчас намекаешь?! – визгливо вскрикивает она, переходя на ультразвук. – А? Что я, по-твоему, нагуляла её и на тебя повесить решила?!

– Я не намекаю, я задаю прямой вопрос, – отрезает Егор. – Ты уверена, что это мой ребёнок? На сто процентов уверена?

– Я тебе прямым текстом говорю: это твоя дочь! Твоя кровь! – цедит она сквозь зубы.

Я смотрю на этот цирк и вдруг, с каким-то мазохистским отчетливостью, осознаю, насколько нелепо выгляжу сама.

Еще полчаса назад мир был простым: Егор съездит в часть, заберет документы, официально уволится и начнется наша настоящая, «гражданская» жизнь.

С его разбросанными носками и нашими ленивыми ссорами из-за немытой посуды.

Я была готова ждать его неделю, две, месяц, сколько потребуется. Потому что это казалось временной помехой.

А теперь в моей прихожей стоит «комплект». Девушка с претензией и живое, дышащее доказательство его прошлого. И я понимаю: это не закончится через неделю.

Ребёнок — это не чемодан, который можно сдать в камеру хранения, если он не вписывается в новый интерьер. Это человек. Маленький, живой человек со светлыми глазами, который уже врос в нашу реальность этим тихим «папа».

Мне становится по-настоящему страшно. Не за себя, а за нас. Потому что если она его дочь, «быстро» и «просто» не будет уже никогда. Наша тихая гавань только что превратилась в эпицентр шторма.

Егор медленно, с силой проводит ладонью по затылку. Я знаю этот жест, так он мысленно считает до десяти, чтобы не взорваться и не разнести всё вокруг в щепки.

– Так, – произносит он наконец, и в воздухе воцаряется звенящая тишина. – Все. Хватит. Представление окончено.

Ника тут же открывает рот, готовая выдать новую порцию обвинений, но он просто поднимает ладонь. И она, к моему изумлению, действительно захлопывает рот, наткнувшись на его ледяной взгляд.

– Ты сейчас возвращаешься обратно, – говорит он глухо, чеканя каждое слово. – Это не обсуждается. Мне нужно в часть, нужно закрыть вопросы с командованием, с рапортом, со всем этим... делом. Вот когда я вернусь, тогда мы сядем и всё обсудим. С документами и фактами.

Он бросает короткий, тяжелый взгляд на притихшую девочку и тут же морщится, будто сам удивлен тому, что уже невольно вписал её в бесконечный список проблем, которые ему предстоит разгрести.

Губы Ники растягиваются в странной, вымученной улыбке. Она больше не играет в оскорбленную добродетель. Она выкладывает на стол козыри.

– Это вряд ли, Егорушка, – произносит она тихо, почти интимно. – Мы теперь с тобой связаны покрепче, чем ты думаешь. И поедем мы «домой» только вместе.

Егор вскидывает на неё взгляд.

– Что ты несешь?

– Тебя, Горин, вообще-то больше года не было, – чеканит она, и её спокойствие пугает больше, чем недавняя истерика. – Ни слуху, ни духу, ни весточки.

Наступает пауза.

– Я тебя похоронила, – добавляет она почти буднично.

У меня перехватывает дыхание, в легких внезапно кончается воздух. Егор замирает, превращаясь в каменное изваяние.

– Что ты... – начинает он, но голос подводит его.

– Через суд, – продолжает она. – Всё по закону, как положено. Признали без вести пропавшим, а следом погибшим. Свидетельство даже имеется.

Я чувствую, как пол под ногами превращается в зыбучий песок. Он... мёртв. Юридически, официально его не существует...

Егор медленно выпрямляется.

– Ты сейчас это серьезно? – его голос становится опасно тихим, вибрирующим от сдерживаемой ярости.

– Более чем, – Ника едва заметно пожимает плечами, поправляя воротник своего пальто. – А когда ты стал официально «погибшим», я сделала еще кое-что. Очень полезное для нашей дочери.

Она смотрит ему прямо в глаза, и в этом взгляде больше нет ни капли игры. Только холодный расчет хищницы, которая загнала добычу в юридический капкан.

– Отцовство установила, – выплевывает Ника. – Через суд. На Аню. И выплаты за нее я тоже получила. Так что, извини, дорогой... ты теперь не просто внезапно воскресший покойник.

Она делает паузу. С явным, физическим наслаждением смакуя каждое слово.

– У тебя тут, Горин, нарисовался такой ворох проблем с законом, государством и финансами, что «новая жизнь» пока отменяется. Ты теперь у нас ходячее уголовное дело и куча долгов перед бюджетом.

Я смотрю на его окаменевшие плечи и понимаю, что эта история больше не принадлежит нам двоим.

Она переросла наши задетые чувства, она перешагнула через ту тихую клятву в больничной палате и даже через горький привкус предательства.

Это — капкан.

Настоящий, просчитанный до каждого юридического абзаца и каждой фальшивой слезы. Капкан, в котором захлопнулась вся его жизнь, превратившись из героической саги в сухую судебную хронику.

И он, мой Егор, только что снова оказался на линии огня, сам того не ведая. Только на этот раз невидимая черта пролегла не по изрытой снарядами земле, а прямо здесь.

Тот, кто пришел забрать его душу, не прячется в засаде. Он стоит в моей прихожей в бежевом пальто, безупречно пахнет дорогими духами и крепко держит за руку живой щит.

Как влюбить офицера

Чарли Ви

<https://litnet.com/shrt/xCv4>

Как влюбить офицера?

 Пункт первый: сломать ему нос.

 Желательно ночью в тёмном переулке, когда уверена, что он маньяк.

 Пункт второй: пригласить домой, чтобы обработать рану.

 Пункт третий: попытаться забыть и не вспоминать этот инцидент.

 Спойлер: не получится.

 У меня за спиной развод, недоверие к мужчинам и железные принципы.

 А у него — наглость, привычка командовать и он почему-то считает, что я ему теперь должна.

 Должна что? Впустить в свою жизнь?

 А не много ли вы хотите, товарищ офицер?

<https://litnet.com/shrt/nbM5>

Глава 7

Я смотрю на Нику, и внутри меня разверзается какая-то ледяная, не поддающаяся логике пустота.

Категорически отказываюсь понимать, на клеточном уровне, как можно так обыденно, почти с легким налетом скуки говорить о смерти человека, которого ты когда-то пускала в свою постель.

Как можно произнести это чудовищное «Я тебя похоронила» и даже не сбиться? Не споткнуться на согласных, не почувствовать, как горло перехватывает спазм?

В её мире это, кажется, произошло так же просто, как выбрасывают старый, вышедший из моды вещи. Вычеркнуть живого, дышащего человека из бытия. Словно Егор — это не живой человек, а просто измятый лист казенной бумаги. Строчка в реестре. Раз и готово. Человека нет, зато есть пособие и статус.

В груди поднимается что-то горькое, удушающее, как дым на пожарище.

Потому что я-то помню.

Я помню каждую секунду того ада, когда он действительно умирал. Я помню запах его крови...

Пока она обивала пороги судов, выбивая себе право на вдовство, я вытаскивала его с того света. Умоляла его остаться, когда врачи уже отводили глаза...

Наш городок на самой кромке границы всегда казался мне кусочком прошлой эпохи. Он был маленьким, каким-то пронзительно чистым и до нелепости светлым.

У подъездов цвели аккуратные клумбы, а на скамейках по вечерам вели свои бесконечные беседы бабушки.

Уютное и тихое место. Где по утрам воздух был густым и сладким от запаха свежего хлеба из угловой пекарни, а днем улицы принадлежали детям, которые с азартным криком гоняли на велосипедах, не зная, что такое страх.

Тут... раньше было по-настоящему спокойно. И это спокойствие казалось вечным.

А потом пришла беда.

Она не ворвалась с грохотом, не обрушилась лавиной. Она подползала серой, липкой изморозью. Медленно. Вкрадчиво.

Сначала это были лишь новости, которые шепотом передавали в очередях, испуганно оглядываясь.

Потом пришли редкие, сухие щелчки выстрелов где-то там, за горизонтом, которые поначалу принимали за грозу или петарды.

А затем город заполнили колонны военной техники, тяжелые и серые, пропахшие соляркой и металлом. Солдаты как-то незаметно стали частью нашей изломанной повседневности.

Они были повсюду, вплетаясь в мирный пейзаж чужеродным камуфляжным узором. На рыночной площади, у закрывающихся магазинов, в сквере. И, конечно, у нас в приёмном покое.

Они приходили, уходили и снова возвращались. Я видела их усталые глаза, смотрящие куда-то вдаль и сердце кровью обливало.

И, как ни странно, от этого присутствия становилось спокойнее. Глупо, наверное, почти по-детски наивно. Но пока по нашим улицам ходили наши солдатики, казалось, что они — живой щит, что ситуация всё ещё под чьим-то контролем.

Нам отчаянно хотелось верить, что всё самое страшное заперто где-то там, за невидимой чертой, и оно никогда не переступит порог нашего дома. Не случится с нами.

Эта иллюзия безопасности была хрупкой, но мы держались за неё до последнего. До той самой секунды, пока не наступило то утро, перечеркнувшее всё «до»...

Я проснулась не от солнца, которое обычно мягко пробивалось сквозь шторы, и не от привычного писка будильника.

Я проснулась от звука, который не имел ничего общего с мирной жизнью. Глухой, утробный, тяжелый удар, от которого всё внутри, до самого последнего нервного окончания, сжалось в ледяной узел.

Сначала сознание отказывалось верить.

Я села на кровати, вглядываясь в предрассветные сумерки, и впиалась пальцами в одеяло. Тишина, наступившая после, была пугающей.

И в следующую секунду грянул второй. Ближе. Сильнее. Окна в рамках жалобно дрогнули, зазвенев стеклами, а где-то в недрах подъезда тонко и страшно закричала женщина.

И тогда до меня дошло.

Короткое, беспощадное слово: началось. Мы в окружении...

Я не помню, как натягивала одежду, как пальцы путались в пуговицах. Всё происходящее превратилось в густой, липкий туман, где существовали только инстинкты.

Звук. Непрекращающийся гул. Хаотичные крики за стеной.

И сердце, которое колотилось о ребра так неистово, будто пыталось пробить грудную клетку и сбежать от этого ужаса.

Улица... она больше не была нашей уютной, знакомой. Она была разорванной. Воздух стал плотным, горьким, пропитанным едкой гарью и металлическим привкусом страха.

Люди бежали, не разбирая дороги: кто-то истошно звал близких, кто-то падал, захлебываясь рыданиями, а кто-то застыл соляным столбом, глядя в пустоту остекленевшими глазами.

Я же бежала в больницу.

Не потому, что была смелой, а потому, что там — мои.

Там операционные, там раненые, там всё, что я умею. Если не я — то кто?

Петляла между брошенными машинами, как затравленный заяц, нелепо прикрывая голову руками, словно эти тонкие пальцы могли защитить от летящего металла.

В ушах стоял свист.

Где-то совсем рядом рвануло так, что ударная волна толкнула в спину. Я пригнулась, почти коснувшись коленями земли, поднялась и рванула дальше.

И вдруг холодный пот по спине.

Дрон.

Он висел впереди, низко, над самой дорогой, поблескивая хищным глазом камеры.

Слишком низко.

Я замерла на долю секунды, и этого мига хватило, чтобы осознать, что дальше нельзя. Открытое пространство. И означало оно только смерть.

Я метнулась в сторону и буквально нырнула под стоящую у обочины «Газель». Колени обожгло болью об асфальт, ладони содрались в кровь, но я только сжалась в комок, зажмурилась и шептала, как молитву: «Только не сюда... Господи, только не сюда...»

Раз. Два. Три...

Секунды растягивались в вечность.

И вдруг автоматная очередь. Короткая, четкая. Совсем рядом.

Я открыла глаза и увидела их. Наших солдатиков.

Парни в камуфляже двинулись быстро, собранно, пугающе спокойно в этом аду. Они сбили эту механическую птицу, и дрон с сухим треском рухнул где-то за соседней машиной. Погремел взрыв, но никого не задело.

Мужчины двигались перебежками, слаженно, как единый механизм.

Зачищали улицу, оттесняя соперника. Для них это была работа. Тяжелая, грязная, но работа.

И глядя на их спины, на то, как уверенно они держат оружие, я почувствовала, как во мне что-то щелкнуло. Страх не исчез, но он стал управляемым. Можно. Надо бежать. К своим.

Я выдохнула, собирая волю в кулак, и уже приготовилась вылезти из-под машины, чтобы добежать оставшиеся два квартала, как вдруг...

Свет. Невыносимо яркий, ослепляющий. Грохот, от которого, казалось, лопнули барабанные перепонки. Удар.

Прямо туда. Туда, где секунду назад были эти парни. Где была жизнь, движение, уверенные голоса и надежда. Всё исчезло в одно мгновение. Артиллерия накрыла перекресток, превращая его в крошево из металла и кирпича.

Я не слышала собственного крика, будто звуки просто выключили. Я не чувствовала, как ударились головой о днище машины, как вжалась в асфальт, пытаюсь стать невидимой, как закрыла уши руками. Я просто перестала дышать.

Потому что это было слишком близко. Слишком несправедливо. И слишком страшно, чтобы быть правдой.

Колючая звезда офицера

Дана Денисова

<https://litnet.com/shrt/3-Xo>

— Пошла вон из квартиры моей матери, аферистка. Только сначала сумку выворачивай, — нависая сверху, перекрывая ей выход.
— Я уйду, только если Алевтина Дмитриевна сама об этом попросит! — огрызается девчонка, сверкнув глазами цвета грозового неба.
— Вы для неё чужой, Кирилл. Подполковник, а дальше своего носа не видите! Ей забота нужна и любовь!
— А тебе квартира и цапки?
Я привык не доверять людям, особенно женщинам. Особенно тем, кто пытается нарушать закон, обворовывая одиноких стариков.
Мошенница под личиной ангела пыталась подобраться к моей матери и даже к дочери, которая почему-то сразу потянулась к ней. Но она не знала главного: с такими, как она, я не разговариваю, а окольцовываю — в наручники.
Тем более что её подруга фигурирует в одном моём непростом уголовном деле.

<https://litnet.com/shrt/A7-b>

Глава 8

Сначала возвращается звук. Тяжелый, ватный гул, будто кто-то бьет огромным молотом по листу железа где-то в бесконечной дали, и этот звон рикошетит внутри черепной коробки.

Потом просыпается боль. Тупая, липкая, расползающаяся по телу, заставляя каждую мышцу каменеть. И только в последнюю очередь возвращается дыхание. Судорожный, рваный вдох, приносящий в легкие не кислород, а едкую смесь гари и пережженного металла.

Я лежу, уткнувшись щекой в холодный, покрытый слоем серой пыли асфальт. Какое-то время мир для меня — это лишь шершавая поверхность дороги и крошечный муравей, который почему-то продолжает свой путь по краю трещины.

Я не понимаю, где я. Где верх, где низ. Почему в глазах так темно, а в ушах... почему так тихо?

Тишина — это первое, что пугает по-настоящему. Настоящая, вакуумная тишина после того ада, что творился мгновение назад. Она кажется противоестественной, кощунственной. Будто мироздание просто выключило звук, не выдержав этого грохота.

Я моргаю. Один раз. Второй.

Слипшиеся ресницы неохотно размыкаются. Бок «Газели», под которой я пряталась, теперь обезображен черной копотью. Разбитое в крошку стекло сверкает на солнце, как проклятые алмазы. И дым... тонкий, сизый жгут дыма лениво тянется к небу, которое осталось таким же безразлично-голубым.

Я резко втягиваю воздух, и вместе с ним в меня врывается реальность. Запах жара, горелой резины, железный привкус крови и... Воспоминание.

Взрыв. Те парни. Они стояли прямо там. Всего секунду назад.

Тело не слушается, оно кажется чужим, ватыным. Руки дрожат так сильно, что я не могу опереться на ладони, но я всё равно ползу.

Сначала на четвереньках, раздирая и без того раненные колени, потом, цепляясь за острый край обгоревшей машины, заставляю себя подняться. Мир качается, плывет, заваливается за горизонт, но я иду.

Иду туда, куда нормальный человек идти не должен. Туда, где только что испарилась жизнь. Я не позволяю себе думать, не позволяю анализировать. Потому что медик внутри меня знает: если я остановлюсь и осознаю масштаб, я уже не смогу сделать ни шага.

Первого я вижу сразу. Он лежит лицом вниз, раскинув руки, будто пытался обнять эту землю, которую защищал. Форма превратилась в сплошной слой серой пыли. Я приседаю рядом, пальцы нащупывают шею. Ничего.

Переворачиваю его, и взгляд натывается на остекленевшие глаза, в которых застыло последнее удивление. Я не задерживаюсь. Времени на траур нет. Просто прикрываю ему веки и встаю.

Второй лежит чуть дальше. На спине. Широко открытыми глазами он смотрит в небо, будто ищет там ответ на вопрос: «За что?».

Я знаю результат еще до того, как касаюсь его запястья. Всё. Холод. Смерть забрала его мгновенно, не оставив даже шанса на борьбу.

Я слатаываю вязкую, горькую слюну. Усилив воли заталкиваю крик поглубже в горло. Нельзя. Если я сейчас сломаюсь, я не помогу тому, кто еще может дышать.

Я иду дальше, спотыкаясь о куски асфальта и искореженного металла. И вдруг вижу третьего. Его отбросило волной к бетонному бордюру, он лежит в странной, изломанной позе, наполовину скрытый за клубами оседающей пыли. Я падаю рядом с ним на колени, не чувствуя боли от удара об камни.

— Эй... — шепчу я, и мой голос кажется мне чужим, сорванным.

Он весь в крови. Густой, темной, мгновенно пропитывающей многослойную ткань камуфляжа. В грязи.

Грудь под расстегнутым бронежилетом поднимается тяжело, с натужным хрипом, едва выталкивая жизнь наружу. Каждый этот вдох кажется последним, украденным у небытия.

Я трясущимися, содранными в кровь руками осторожно переворачиваю его чуть на бок, чтобы он не захлебнулся, и вдруг замираю. Пыль оседает, и я вижу его лицо. Оно кажется нелепо, почти кощунственно чистым на фоне всего этого обугленного ужаса вокруг.

Длинные, пушистые ресницы, слипшиеся от цементной крошки, бросают тени на бледные скулы. И сам он... Красивый.

Какая дикая, неуместная мысль в эпицентре бойни. Глупо. Не к месту. Но именно это вспыхивает в моем сознании в первую секунду: «Боже, какой же ты еще... молодой».

У меня перехватывает дыхание, в горле встает горький ком.

– Живой... – выдыхаю облегченно.

Пальцы сами, повинаясь многолетней привычке, находят точку на шее. Пульс. Слабый, нитевидный, но он есть. Он бьется под моей кожей, как раненая птица, запертая в клетке.

– Держись... слышишь? Держись, пожалуйста, – шепчу я, хотя не уверена, пробивается ли мой голос сквозь ту липкую тьму, в которую он сейчас погружен.

Я начинаю работать. В этот момент во мне умирает женщина и рождается механизм. Автоматически. Как учили, как практиковала в больнице.

Мои руки двигаются быстрее мыслей, обгоняя страх.

Осматриваю ранения. Слишком много крови. Она повсюду, пачкает мои ладони, связывая нас этой страшной красной нитью.

Перетянуть. Прижать. Закрыть. Я рву на себе футболку, использую его ремень, лихорадочно вскрываю индивидуальный пакет. Пальцы скользят, я стискиваю зубы до боли.

– Только не умирай... – шепчу я уже не как медсестра. Как человек. Как женщина, которая вдруг почувствовала, что от жизни этого незнакомого парня сейчас зависит всё. Вообще всё. Словно если он дотянет, то и мир вокруг перестанет рушиться.

Я не знаю, сколько времени проходит в этом кровавом ритме. Минута? Десять? Вечность? Время здесь не измеряется часами. Только количеством наложенных повязок и ударами пульса.

Вокруг продолжает царить странная тишина. То самое затишье, которое бывает перед бурей. Оно дает шанс, призрачный и тонкий, как волосок.

Я оглядываюсь. Улица замерла в дымке, стрельба откатилась на пару кварталов назад. Я понимаю — это окно. Короткое, смертельно опасное, но единственное. Если я не утащу его сейчас, через пять минут здесь будет выжженная земля.

Хватаю его под руки, чувствуя всю тяжесть его молодого, тренированного тела, ставшего сейчас неподъемным грузом. Тяну. Рывок. Еще один. Асфальт шаркает под его ботинками.

Господи, какой же он тяжелый. В этой пропитанной кровью и грязью форме он кажется отлитым из свинца.

Мои пальцы, сведенные судорогой, впиваются в ткань под его подмышками, ногти скребут по бронежилету, который я так и не догадалась сбросить. Лишние килограммы...

Ноги подкашиваются на каждом шагу, коленные чашечки протестующе ноют, встречаясь с выбоинами. Руки срываются, кожа на ладонях горит, но я вцепляюсь снова. Не отпускаю. Не могу. Это уже не просто работа медсестры, это какой-то первобытный инстинкт. Дотащить свою добычу до пещеры, спасти, спрятать.

– Давай... ну же, миленький, помогай мне... – хриплю я, срывая голос, будто этот бессознательный, задыхающийся парень может вдруг очнуться и оттолкнуться ногами.

Я тащу его на чистом упрямстве.

Не помню, как преодолела последние метры. Пространство сузилось до пятна серого асфальта перед глазами. И вдруг знакомый, иссеченный осколками фасад. Служебный вход, наше спасение.

Две тени у стены. Серега и Вадик. Они стоят в нише, жадно затягиваясь сигаретами, их лица серы от бессонницы. Спорят о чем-то, размахивая руками, и в следующую секунду их взгляды натыкаются на меня.

– Твою мать... – сигарета выпадает из ослабевших пальцев Сереги, рассыпая искры. – Надька?! Ты откуда?!

Они подпрыгивают, преодолевая расстояние в два прыжка.

– Ты где его подобрала?! – орет Вадик, перехватывая обмякшее тело бойца под вторую руку. – Ты в уме вообще, Надь? Там же накрывают каждый квадрат!

– Быстрее... – только и могу вытолкнуть я вместе со сгустком горькой слюны. – Он тяжелый... он живой еще... быстрее в операционную!

– Да видим, что живой! – Серега уже подхватывает его за ноги, и они вдвоем легко, по-мужски, несут его к дверям. – Что творится-то, а? Нас в кольцо берут, Надь! Походу, окружение это, понимаешь? Связи нет, людей везут и везут...

– Потом! – вскрикиваю я, едва не срываясь на истерику. – Все разговоры потом!

Мы буквально вваливаемся внутрь, и тяжелая железная дверь захлопывается за спиной. Этот звук на мгновение дарит иллюзию, что улица осталась там, в другом мире. Но страх не обмануть. Он просочился внутрь вместе со мной, он идет за нами по пятам.

На шум выходит тетя Зоя. Наша старшая. Хмурая, прямая, словно стальной стержень, в накрахмаленном халате. Её взгляд прошивает нас насквозь, задерживаясь на окровавленном камуфляже парня. Никаких лишних слов, никаких охов.

– Вторую операционную готовьте. Срочно, – бросает она.

И этого сухого приказа достаточно, чтобы механизм больницы провернулся. Каталка с грохотом вылетает из-за угла. Чьи-то руки, голоса, лязг металла. Его забирают у меня так резко, что я едва успеваю разжать пальцы. И в этот миг я чувствую пугающую, звенящую пустоту. Руки кажутся неестественно легкими и лишними, будто вместе с этим израненным телом у меня вырвали часть души.

– В операционную! Живо! – командует Зоя.

Двери захлопываются. Я остаюсь стоять в пустом коридоре, прислонившись спиной к холодной стене. Тишина здесь кажется еще более страшной, чем взрывы снаружи. Только теперь, в этом тусклом свете ламп, я вижу, что вся, от воротника до носков обуви, я залита его кровью.

Она уже начала подсыхать, стягивая кожу темной, липкой коркой. Его кровь теперь под моими ногтями, на моих щеках. Мы теперь связаны так, как не связывают даже клятвы.

Серега рядом тяжело, со свистом дышит, отирая лоб рукавом. Вадик молчит, глядя на кровавый след, тянущийся от входа. Мы смотрим друг на друга, и в этом взгляде — всё, что мы боимся произнести вслух.

Мы понимаем: если город падет, если сюда войдут те, кто выпустил тот дрон... если они увидят в наших палатах людей в этой форме...

Густая, свинцовая тишина повисает над нами.

– Чё делать-то будем, Надь?... – совсем тихо, почти по-детски спрашивает Вадик, глядя на закрытую дверь операционной.

И у меня, всегда знавшей, как остановить кровотечение или поставить капельницу, впервые в жизни нет ответа.

Непослушная для офицера

Таня Поляк

<https://litnet.com/shrt/s8GV>

- Надеюсь, ты понимаешь, что никто не должен узнать о нашем «знакомстве». Сделаем вид, что ничего не было, и ни у кого не будет проблем.
 - Боитесь проблем, Богдан Юрьевич?
 Не успеваю ничего ответить, как она обхватывает мой затылок ладонью и целует. И тут же отстраняется с довольной улыбкой.
 - Непослушная, значит? – спрашиваю, усмехаясь. – Я это исправлю.
 - Ну, попробуйте, товарищ подполковник.

<https://litnet.com/shrt/oNxU>

Глава 9

Из оцепенения меня выдергивает голос тети Зои.

– В душ иди, – бросает она, отсекая любые возражения еще до того, как они успевают оформиться в моем воспаленном мозгу. Она не смотрит на меня, её руки уже заняты заполнением журнала. – Пять минут тебе и давай обратно. Нам сейчас каждый человек на счету. Смена будет бесконечной.

Я лишь послушно киваю. Не спорю. В голове царит звенящая пустота, в которой только и есть место, что для коротких команд.

В раздевалке я срываю с себя одежду с каким-то яростным остервенением. Кажется, что ткань жжет мне кожу, что она ядовита. Вода в кране ледяная, колючая, но я не чувствую холода. Я тру руки, шею, лицо до красноты, до боли, пытаюсь смыть не только грязь, но и тот липкий ужас, который забился под кожу.

Смотрю на себя в мутное зеркало над раковиной. Бледная, как мел, губы искусаны, а глаза... глаза чужие, глубокие, полные того, что нельзя произносить вслух. Но времени на слабость нет.

В нашей больнице «пожалеть себя» — это непозволительная роскошь, на которую у нас нет права. Я натягиваю чистую, хрустящую форму, туго перехватываю волосы резинкой и возвращаюсь в строй.

Работа засасывает, как тряпина. Коридоры наполнились стонами, запахом йода и свежей крови. Палаты, раненые, бесконечные капельницы, которые нужно менять, крики, которые нужно игнорировать, чтобы просто делать свое дело.

Мы работаем молча. Лишние вопросы сейчас — это лишняя боль. Мы не спрашиваем «как?», мы спрашиваем «какая группа крови?». Потому что если остановиться и начать думать об именах и судьбах, сердце просто не выдержит, лопнет, как передутый шар.

Я ловлю себя на том, что раз за разом ищу глазами ту самую дверь операционной. Но страх пересиливает любопытство. Кажется, если я увижу его снова, израненного, беззащитного, то боюсь, что во мне окончательно умрет медсестра и останется только напуганная женщина. А это сейчас верный путь к катастрофе.

К вечеру над больницей повисает странная, нехорошая тишина. Напряжение достигает своего пика. Шёпот в коридорах становится змеиным, тягучим.

Люди переглядываются, пряча глаза. «Вошли», «уже на площади», «проверяют всех поголовно». Каждое слово, как удар под дых. Внутри меня начинает медленно затягиваться холодный, тугой узел.

Нас собирают в ординаторской. Тесно, воздух спертый. Здесь все, кто не занят на операционном столе: Серёга, Вадик, тётя Зоя, бледные хирурги, испуганные санитарки. Тишина такая, что слышно, как Вадик нервно барабанит пальцами по краю стола.

– Ситуацию все понимают? – голос главного врача звучит приглушенно и устало.

Никто не отвечает. Да и к чему слова? Мы и так слышим далекое, утробное рычание тяжелых двигателей на улицах нашего маленького, захлебнувшегося в беде города.

– В город вошли. Сейчас начнутся проверки. Будут шерстить списки, палаты, документы. Всех.

Он делает паузу, и его взгляд на мгновение задерживается на мне.

– А у нас лежит боец.

Мы все понимаем финал этой пьесы. Если его найдут, то заберут. Или кончат прямо в палате. Или заберут нас всех как пособников. Вариантов нет, кроме одного — страшного и бесповоротного. Холодная волна ледяным крошечком пробегает по моей спине.

– Какие у нас варианты есть? – глухо спрашивает один из врачей у стены, не поднимая головы.

Тишина затягивается, становясь невыносимой. И тут тётя Зоя делает шаг вперед. Она спокойна, как скала.

– Только один, – произносит она решительно и спокойно. – Мы его не видели как военного. Для нас его в форме не существовало.

Простая фраза. Но от её смысла в комнате становится еще холоднее.

– То есть? – хмурится Серёга.

– То и есть, – тётя Зоя чеканит слова. – Для нас он гражданский. Без документов. Пострадал при обстреле ночью, в частном секторе. Доставлен случайными прохожими.

– А форма? – шепотом спрашивает кто-то из угла, и в этом шепоте слышен ужас. – Куда мы её денем? Кровь на камуфляже не спрячешь, её не отстирать за пять минут.

– Формы не будет, – отрезает она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.